

«Утюжки» в культурах Евразии^[1]

И. В. Усачева

«Утюжки», широко представленные в культурах лесостепной зоны Евразии, давно привлекают внимание исследователей (рис. 1). Неоднократно уточнялась территория их распространения, хронологические рамки, морфология, высказывались гипотезы о назначении (обзор см.: [Усачева, Нохрина, 2004. С. 107–113]). Плодотворной оказалась мысль А. П. Окладникова о том, что эти предметы свидетельствуют о широких культурных связях племен различных районов степей Евразии [1966]. Однако до сих пор нет ни одной работы, где была бы проанализирована хозяйственная ориентация культур — носителей «утюжков».

Первоначальный ареал «утюжков» достаточно уверенно локализуется на Ближнем Востоке (Северный Ирак, западные области Ирана, Юго-Восточная Турция, Палестина, Иордания, Иудейская пустыня). Именно здесь, в мезолитических (протонеолитических) комплексах Загроса (X–IX тыс. до н. э.), натуфийской культуры (начало X — IX тыс. до н. э.) и генетически родственном натуфу докерамическом неолите Иерихона А (вторая половина IX — первая половина VIII тыс. до н. э.), «утюжки» зафиксированы в наиболее раннем культурном контексте [Мелларт, 1982. С. 22–24, 31, 39; Solecki, Solecki, 1970. С. 834–836].

Помимо дат в пользу первичности ближневосточного очага свидетельствует тот факт, что, при общей многочисленности экземпляров (свыше 60), здесь еще не сформировался стандарт в отношении к «утюжку». Это касается не столько формы (культурозависимый фактор) и размеров желобчатых камней (часто встречающиеся здесь миниатюрные экземпляры, скорее всего, обусловлены изначальными размерами природного галечного материала), сколько морфологии и топографии желобка. В ранних ближневосточных комплексах достаточно часто наряду с поперечными встречаются продольно ориентированные желобки; сечение желобков бывает как округлым (плавно изогнутым), так и V-образным, причем последние могут быть как широкими (7–10 мм), так и узкими — менее 7 мм. Отмечен экземпляр, у которого в широкий округлый желобок врезан глубокий V-образный. Иногда в желобке прослеживаются продольные или поперечные насечки [Solecki R. L., Solecki R. S., 1970. С. 832–836; Braidwood et al., 1983. С. 52]. Подчеркивая разнообразие этой категории находок, авторы исследований, тем не менее, единодушно относят их к одной группе изделий, которая формально получила название — желобчатые камни. В своих классификациях они ориентируются на то, что эти предметы, во-первых, близки морфологически (овальные, овально-округлые, ладьевидные, подпрямоугольные формы определенного размера, не превышающего размеры ладони); во-вторых, выполнены из однотипных пород камня — аспидный сланец (судя по описанию, это талько-хлоритовые разновидности сланца темных оттенков), хлорит или стеатит [Solecki R. L., Solecki R. S., 1970, С. 834–839; Braidwood et al., 1983. С. 51].

Появление новой категории орудий, очевидно, следует связывать с теми глобальными природно-климатическими изменениями, которые происходили на рубеже плейстоцена и голоцена. На Ближнем Востоке это время характеризуется повышенной аридностью, способствовавшей образованию обширных степных и пустынно-степных ландшафтов [Долуханов, 1989. С. 11; Van Zeist et al., 1968. С. 19–39; Van Zeist, Bottema, 1977. С. 19–85; и др.].

В палестино-иорданском районе (натуфийская культура) поселения располагались на открытых местах и в пещерах. Предпочтение отдавалось террасам, обращенным в сторону болот и богатых охотничьих угодий, недалеко от водных источников. Основу экономики этого время составляли охота и рыболовство, процветало собирательство. Прямых данных, подтверждающих доместикацию животных или зачатки земледелия, нет. Земледелие здесь появляется не ранее VIII тыс. до н. э. О широком развитии рыболовства у ранних натуфийцев свидетельствуют частые находки рыболовных крючков, грузил для сетей, а гарпуны встречаются даже в удаленном от побережья Иерихоне. Каменная индустрия включает грубые остроконечные орудия, долота, резцы, вкладыши, есть геометрические микролиты. Каменные наконечники стрел не представлены, они достоверно появились только в позднем натуфе и были весьма малочисленны [Мелларт, 1982. С. 25–32].

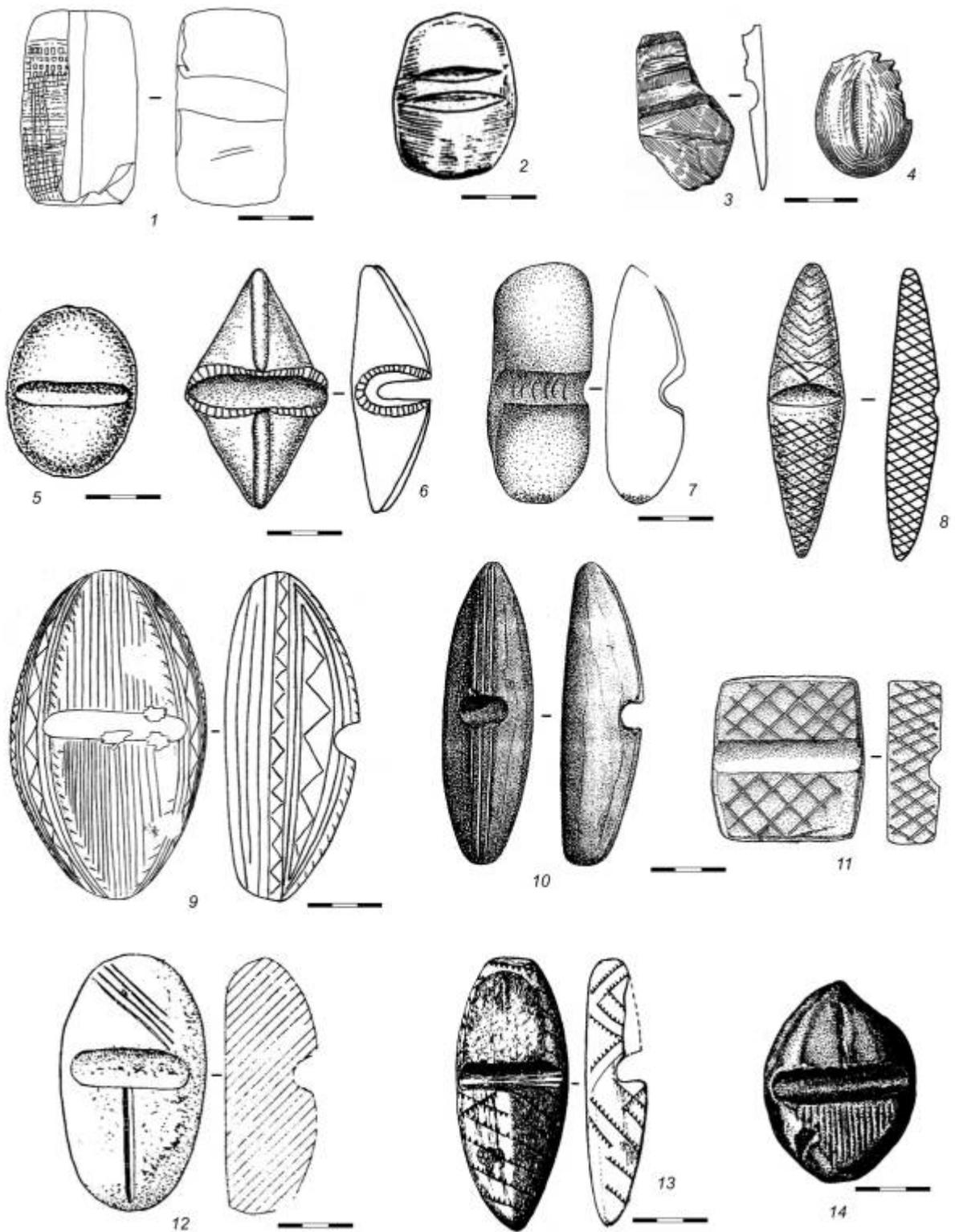

Рис. 1. «Утюжки»:

1, 2 — Ближний Восток; 3–5 — Средняя Азия; 6, 11 — Южный Урал; 7 — Центральная Россия; 8 — Украина; 9 — Зауралье; 10 — Средний Урал; 12 — Казахстан; 13 — Алтай; 14 — Западная Сибирь

В горах Загроса люди предпочитали селиться на холмах в открытых долинах. Основным занятием населения была охота на крупных копытных животных — барана, безоарового козла и оленя, дополняемая собирательством моллюсков. Вместе с тем высокий процент молодых особей овцы позволил зоологам высказать предположение о начальных этапах доместикиции этого животного, морфологически идентичного еще диким особям [Perkins, 1964. С. 1566]. Однако в материалах Карим Шахира, давшего самую большую (19 экз.) коллекцию желобчатых камней, нет артефактов, свидетельствующих об одомашнивании животных. Каменная индустрия хорошо развита, есть вкладыши, геометрические микролиты; о находках каменных наконечников стрел не сообщается [Braidwood et al., 1983. С. 8; Мелларт, 1982. С. 21–25].

На Ближнем Востоке «утюжки» доживают до VI тыс. до н. э. [Бадер, 1982. С. 53–54]. Максимум их приходится на ранненатуфийскую культуру и синхронные памятники в горах Загроса. В поздних комплексах экземпляры единичны (обзор см.: [Solecki R. L., Solecki R. S., 1970. С. 834–836]).

Таким образом, появление желобчатых камней, хотя они и локализованы в районах древнейших очагов земледелия и скотоводства, следует связывать с развитием присваивающих форм хозяйства.

Керамика, по данным Мелларта, появляется на Ближнем Востоке не ранее конца VII — начала VI тыс. до н. э. Еще в докерамический период начинается распространение «утюжков» за границы первичного очага (рис. 2). Они зафиксированы в ранних культурах Северной и Северо-Восточной Африки, где как будто появляются одновременно с капсийскими типами, и совершенно достоверно представлены в неолитической капсийской традиции [Solecki R. L., Solecki R. S., 1970. С. 836]. Вероятно, еще в эпоху мезолита желобчатые камни проникают на территорию Балканского полуострова, где существуют до неолитического времени [Georgiev G. et al., 1986. С. 118].

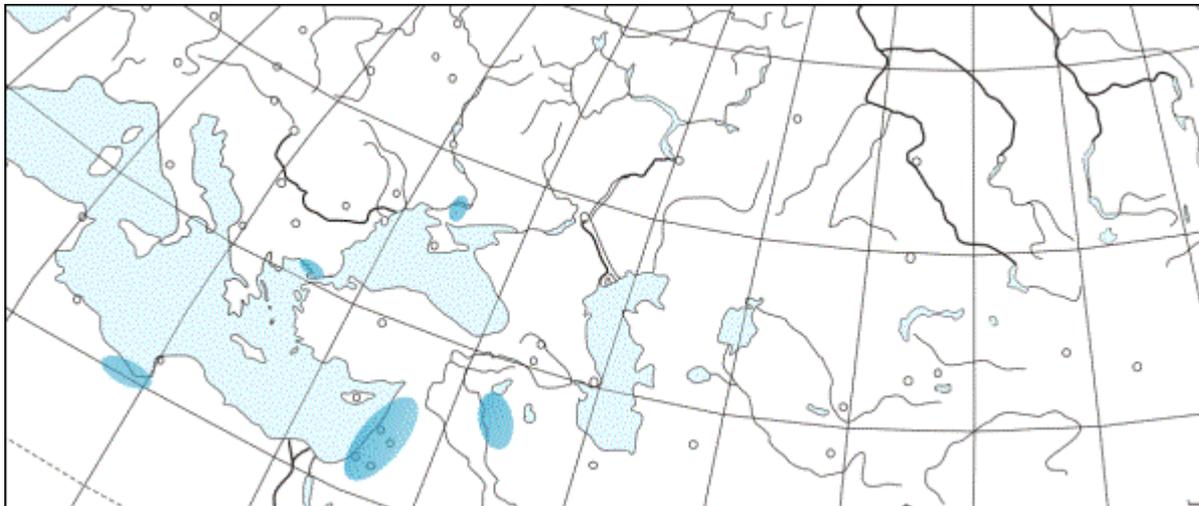

Рис. 2. Распространение «утюжков» в X–VII тыс. до н. э.

В VII тыс. до н. э. «утюжки» появляются на северном побережье Черного моря (кукрекская культура, приазовская и днепровская группы) [Телегин, 1989, с. 114]. Для кукрекской культуры характерна развитая микропластинчатая индустрия при одновременно частом использовании отщепов для изготовления орудий. Отличительной чертой орудийного набора являются вкладыши кукрекского типа. Геометрические микролиты единичны. Каменные наконечники стрел не упоминаются, вероятно, их нет. Osteологический материал с памятников представлен костями млекопитающих, рыб и скоплениями створок раковин моллюсков. Значительное количество чешуи и костей рыб в жилищах, а также наличие специальных рыболовческих приспособлений — крючков, блесен, жерлиц — говорят о весьма важной роли рыболовства. Признаков производящего хозяйства нет.

Д. Я. Телегин отмечает, что аналогов этой культуре не удастся найти не только в мезолите Украины, но и в Восточной Европе в целом [Там же. С. 113].

В VI тыс. до н. э. территория распространения «утюжков» в северной половине Евразии начинает быстро увеличиваться, что видимо напрямую связано с установившимся на Ближнем Востоке сухим и жарким климатом в начале атлантического периода. Обширные пространства Восточного Прикаспия и Средней Азии, попавшие под действие Лявляканского плювиала, напротив, становятся благоприятными для обитания [Виноградов, 1981. С. 19–45]. «Утюжки» в этот период фиксируются на Украине (Среднее Поднепровье, Северский Донец, Приазовье), в Молдавии (среднее течение Днестра), Закавказье, Средней Азии (юг Туркмении, Центральная Фергана) (рис. 3) [Бжания, 1996; Исламов, 1986; Массон, 1971; Мунчаев, 1982; Телегин, 1989, 1996; и др.]. Многие из культур этого времени несут в себе отчетливо читаемый ближневосточный след.

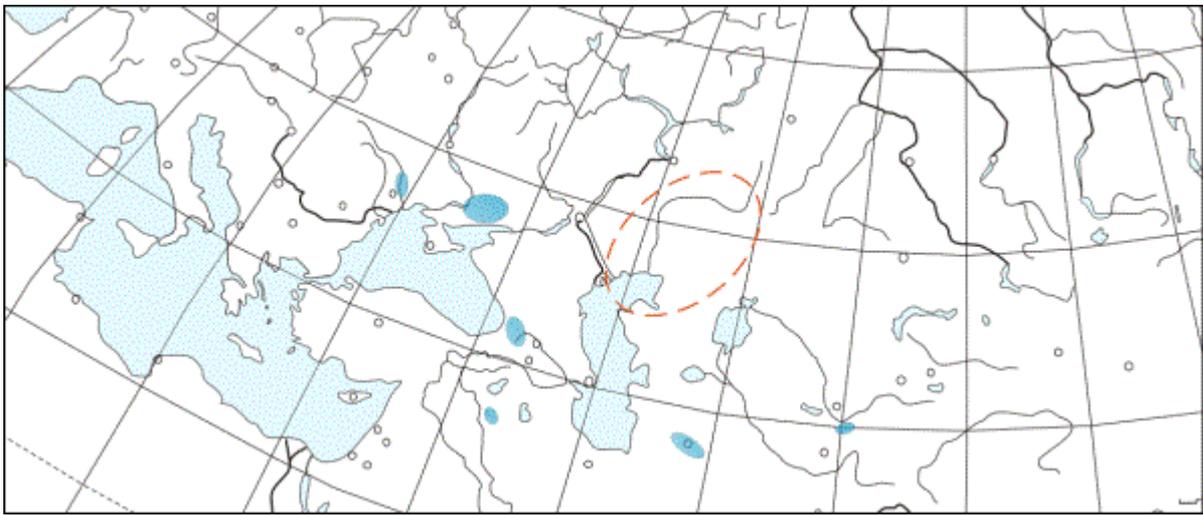

Рис. 3. Распространение «утюжков» в VI тыс. до н. э.

В юго-западной части ареала (кукрекская, буго-днестровская, донецкая мезолитические культуры) сохраняется пластинчатая микро-макролитическая каменная индустрия с геометрическими микролитами. О находках наконечников стрел не сообщается, вероятно, они по-прежнему отсутствуют. Орудийный набор памятников и остеологические материалы свидетельствуют о занятиях населения охотой и рыболовством. Большое значение придается собирательству моллюсков (раковинные кучи). Признаков производящего хозяйства не обнаружено. Наличие немногочисленных костей домашних животных (свинья) в буго-днестровской культуре, по мнению специалистов, объясняется возможными экономическими контактами с земледельческо-скотоводческим населением других районов [Долуханов, 1989. С. 15].

Кавказ наиболее близок территориально к Передней Азии и потому вызывает особый интерес. Однако сведения о периоде конца VII — VI тыс. до н. э. пока крайне скудны. Единичные экземпляры «утюжков» зафиксированы в западно-кавказской (Анасеули I) и центрально-закавказской или шулавери-шомутепинской (Имирисгора, 7–6 гор.) культурах.

Неолитические памятники Западного Закавказья тяготеют к прибрежной зоне Черноморского побережья, но непосредственно у моря их практически нет. Почти все местонахождения связаны с руслами небольших рек и расположены на их террасах или пологих склонах невысоких холмов, имеются пещерные стоянки. Утюжок найден в одном из наиболее ранних памятников — поселении Анасеули I.

Комплекс Анасеули I характеризуется микропластинчатой индустрией и состоит из изделий мезолитического облика, включающих геометрические формы. Имеются шары для пращи. Керамика на памятнике не обнаружена. Отсутствие наконечников стрел объясняется тем, что в неолите Кавказа, как и в ряде культур Передней Азии, лук мог быть заменен пращей. Хозяйственные занятия населения раннего этапа культуры определяются однозначно — охота, рыболовство [Бжания, 1996. С. 86].

Шулавери-шомутепинская группа памятников занимает район правобережного бассейна верховьев р. Куры в Центральном Закавказье. Население этой группы владело навыками обработки земли, разведения скота, плавки меди. Горизонты 7–6 Имирисгоры относятся к наиболее раннему этапу культуры, генезис которой не ясен. Шулавери-шомутепинские комплексы отличают многочисленность каменного инвентаря; пластинчатая индустрия; наличие значительной серии орудий архаичных форм, близких Джармо и древнемесопотамским VI–V тыс. до н. э. Наконечники стрел отсутствуют, характерна праща. Керамический декор напоминает предхассунский (Месопотамия).

К сожалению, формы хозяйства населения этой группы охарактеризованы крайне поверхностно. Не приводятся данные об остеологическом материале. Можно лишь предполагать, судя по многообразию и архаичному облику каменного инвентаря, а также по находкам шаров для пращи, что охота сохраняла свое значение, по крайней мере, на раннем этапе.

На территории Средней Азии в VI тыс. до н. э. «утюжки» зафиксированы в джейтунской (Джейтун, Чагыллы-депе) и центральноферганской (Янгикадам 12, 28) неолитических культурах. Памятники джейтунской культуры занимают подгорную долину Копетдага на юге современной Туркмении. В VII–VI тыс. до н. э. это была зона полупустынного редколесья, граничившая с умеренной пустыней. Обводненность районов была значительно выше по сравнению с современной. Джейтунская культура относится к кругу ближневосточных раннеземледельческих культур. Ее хозяйство носило комплексный характер при ведущей доли земледелия (лиманный способ). Большое значение имело скотоводство, в составе стада отличаются овцы или козы, на среднем этапе был domestцирован крупный рогатый скот. На ранних этапах значительную роль продолжала играть охота. В обработке камня преобладает пластинчатая техника. Много геометрических микролитов. Наконечников стрел, как и в раннеземледельческих комплексах Ближнего Востока, нет. Характерна праща. В технике обработки камня и типах орудий отчетливо прослеживаются прикаспийские мезолитические традиции.

Центральноферганская культура обладает специфической кремневой индустрией ярко микролитовидного облика с рядом архаичных черт. Генезис ее связывают с обширской мезолитической культурой, имеющей юго-западные корни. Наконечники стрел относятся к редким находкам. Керамика не обнаружена. Небольшие размеры большинства стоянок, удаленность их от водных артерий и бедность

инвентаря позволяют предполагать, что это остатки временных охотничьих стойбищ или лагерей. Хозяйство культуры определяется как охотничье-рыболовецкое с добавлением собирательства. Элементов производящего хозяйства нет.

Таким образом, к концу VI тыс. до н. э. «утюжки», еще немногочисленные в этот период, проявились почти вдоль всей южной кромки пояса степей и полупустынь северной половины Евразии, включая горное плато и прибрежную зону Закавказья. Экономическая направленность культур отличается разнообразием, однако анализ конкретного культурного контекста находок показывает, что они довольно устойчиво соотносятся с присваивающими формами хозяйства. Исключение составляют шулавери-шомутепинская и джейтунская культуры, но и в них значение охоты сохраняется (орудийный набор, камни для пращи, остеологические коллекции). Облик каменной индустрии всех без исключения комплексов с «утюжками» — пластинчатый и даже микропластинчатый с наличием геометрических форм. Каменные наконечники стрел отсутствуют. В Закавказье и Средней Азии распространена праща.

Не исключено, что к VI тыс. до н. э. следует относить появление «утюжков» в районах Северного Прикаспия, Южного Урала и Северного Казахстана. К сожалению, в археологии этих территорий до сих пор много пробелов, а интерпретация материалов осложнена почти полным отсутствием хорошо стратифицированных комплексов. Многие «утюжки» происходят из недатированных сборов и многослойных памятников со смешанным слоем. В Северном Казахстане более или менее однозначно к эпохе неолита можно отнести только экземпляр со стоянки Соленое озеро 2, которую В. Н. Логвин интерпретирует как маханджарскую и синхронизирует с дарьясайским этапом [Логвин, 1991. С. 27]. Сходная ситуация наблюдается на Южном Урале. Единственная радиоуглеродная дата, полученная из ранне-неолитического слоя (поселение Березки, или Банное VA), оказывается достаточно древней — 7400 ± 130 ИГАН 218 (7600 ± 200 ИГАН 218) [Тимофеев, Зайцева, 1996. С. 343; Матюшин, 1982. С. 68]. Однако достоверно распределить стратиграфически «утюжки» ни на этом памятнике, ни на многих других не представляется возможным. Очень ранние даты получены для поселения Исетское Правобережное I на Среднем Урале, в материалах которого есть несколько каменных и глиняных изделий с желобком: 7950 ± 1290 ЛЕ 3064; 8400 ± 400 ЛЕ 3068 [Неолитические памятники..., 1991. С. 198].

Отсутствие «утюжков» на промежуточных территориях не должно смущать. Пустынные и полупустынные районы Средней Азии даже в наиболее благоприятные, гумидные, периоды, были мало пригодны для существования долговременных поселений, с которыми чаще всего связаны «утюжки». Возможно, эти территории были преодолены транзитно, без заметных следов. Наконец, не следует забывать, что уровень колебания Каспийского моря составляет десятки метров, и часть прибрежных площадей, доступных в периоды климатических макси-мумов, скрыта в данный момент под его водами.

В V — конце IV тыс. до н. э., когда горные хребты Иранского нагорья и Кавказа остались позади, зона умеренных пустынь и полупустынь освоена, а открывшиеся степные и лесостепные равнинные и слабо гористые пространства не представляли серьезных препятствий, территория распространения «утюжков» начинает быстро увеличиваться (рис. 4).

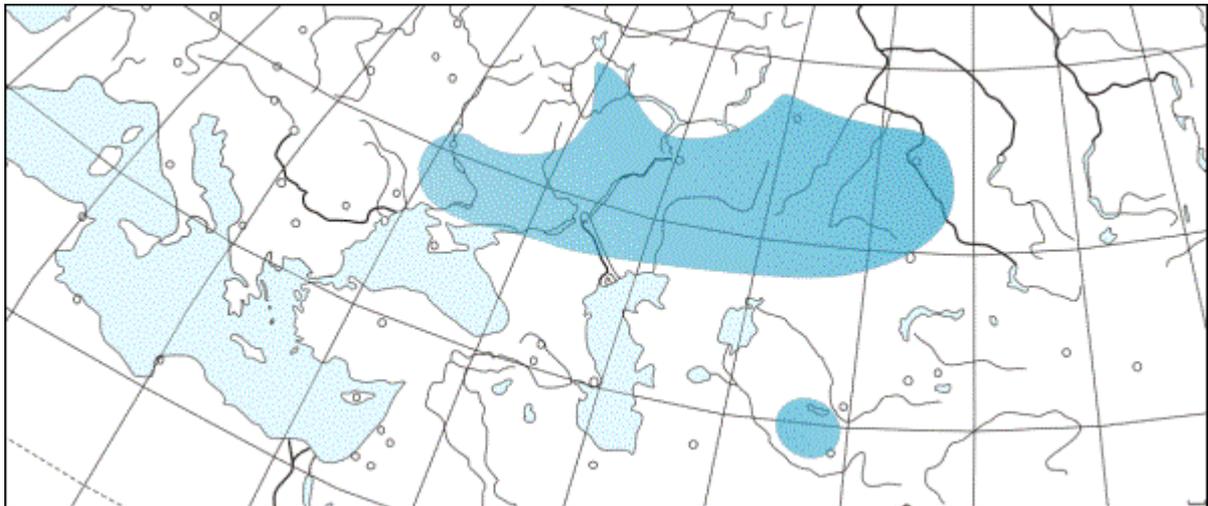

Рис. 4. Распространение «утюжков» в V — конце IV тыс. до н. э.

В этот период культурами — носителями освоены бассейны нижних и средних течений Южного Буга, Днепра, Северского Донца, Дона, Волги, Камы, бассейн верхнего и среднего течения Урала, Белой, бассейны Тобола, Ишима, Среднего Иртыша, Среднерусская возвышенность, Южный и Средний Урал, Внутренние Кызылкумы (междуречье Амударьи и Сырдарьи и р. Зеравшан), Северный Казахстан [Белановская, Телегин, 1996; Виноградов, Мамедов, 1975; Жилин и др., 2002; Зах, 2001; Ковалева 1989; Крижевская, 1968; Левенок, 1971; Логвин, 1991; Товкайло, 1998; Халиков, 1969; и др.].

Число культур и культурных типов, в материалах которых зафиксированы «утюжки», приближается к двадцати. Их распределение отчетливо демонстрирует зависимость данного артефакта от условий степной и лесостепной зон. Именно в зоне стабильных ландшафтов этого типа отмечены максимальные концентрации «утюжков» (Украина, Южный Урал, Северный Казахстан, Притоболье), многообразие и

выразительность форм, орнаментальных мотивов и композиций. В зонах неустойчивых ландшафтов они представлены одиночными экземплярами, которые, там где это удастся проследить, оказываются связаны с колебаниями границ степной — лесостепной зоны или ее отдельными локальными прогибами (Северный Прикаспий, Центральный Казахстан, Внутренние Кызылкумы, Фергана и т. д.). Особенно отчетливо это проявляется в условиях пограничья лесной и лесостепной зон. В данном случае не имеет значения, представлен лес массивами южной тайги или широколиственными дубравами. «Утюжки» южной кромки лесов стандартно единичны, залегают в комплексах, соответствующих ксеротермическим аридным периодам, и соотносятся с культурным контекстом, имеющим выраженный южный облик или компонент южного облика (Ивановское VII, Пензенская, Земетчино, Гавриловская, Дубовогривская, Русско-Шуганский могильник, Муллино, Юргаркуль III и т. д.).

Различия в хозяйственных приоритетах, свойственные предыдущему периоду, несколько сгладились. Население северных районов лесостепной зоны продолжает заниматься охотой и рыболовством (верхневолжская, чебаркульская, кошшинская, козловская, полуденская культуры). Культуры степной и лесостепной зоны, сохраняя доминанту присваивающих форм хозяйства, начинают осваивать навыки производящего. Это или зачатки скотоводства и его ранние формы (орловская, карагандинская группа памятников Центрального Казахстана, возможно, маханджарская, сурская), или скотоводство в сочетании с элементами земледелия (кельтеминарская, днепро-днепровская (ддк), среднедонская, самарская, прикаспийская). В южной зоне сохраняется значение собирательства (скопления раковин моллюсков зафиксированы в материалах буго-днепровской, кельтеминарской, ракушечноярской культур). Обратим внимание на тот факт, что в степных культурах с развитым земледелием (трипольская, культуры линейно-ленточной керамики) «утюжков» нет.

Каменная индустрия продолжает сохранять пластинчатый характер, хотя в ряде культур уже отмечается достаточно высокое содержание орудий, выполненных на отщепках (ракушечноярская, надпорожский и донецкий варианты ддк). Во многих культурах сохраняется микролитичность (сурская, бугоднепровская, ддк — все варианты, кельтеминарская, чебаркульская, боборыкинская, козловская). Во всех культурах юго-западной ветви, включая среднедонскую и орловскую, а также в среднеазиатских и южноуральско-североказахстанских сохраняется традиция изготовления геометрических форм. Отдельные экземпляры трапезий зафиксированы также в боборыкинской и кошшинской культурах. Каменные наконечники стрел в V–IV тыс. до н. э. присутствуют почти во всех культурных образованиях, имеющих традицию изготовления «утюжков», но они, как правило, чрезвычайно малочисленны. Нет их только в козловской, маханджарской, ракушечноярской, орловской, а также, по-видимому, в сурской, буго-днепровской, кельтеминарской, ддк (донецкий вариант) культурах, т. е. в наиболее ранних культурах этого периода.

Факт совместного залегания «утюжков» с геометрическими микролитами достаточно интересен. И те, и другие имеют прямое отношение к кругу ближневосточных культур и близкий хронологический диапазон, с некоторым запаздыванием «утюжков». Более того, их ареалы на Ближнем Востоке, Балканах, в Северной Африке, а также в полупустынной, степной и лесостепной Евразии почти идеально совпадают [Матюшин, 1976. Рис. 48]. Отсутствие «утюжков» в западной части ареала геометрических микролитов (Европейское побережье Атлантики, Пиренейский п-ов) носит скорее не фактический, а информационный характер, тем более что в условиях отсутствия степных и лесостепных ландшафтов число их вряд ли может быть значительным.

Конец IV — II тыс. до н. э. являются финальными в существовании «утюжков». Этот период отчетливо делится на два этапа. Уже на первом этапе (конец IV — начало II тыс. до н. э.) происходит значительное изменение границ территории с «утюжками» (рис. 5). Они перестают фиксироваться во всех юго-западных и западных культурах до районов Приуралья и Поволжья включительно и начинают интенсивно смещаться к востоку. На данном этапе «утюжки» отмечены в низовьях р. Белой (Среднее Прикамье), бассейнах верховьев рек Урала, Белой, Исети, Туры, Тагила, Ницы, Кыштымском озерном крае (Южный и Средний Урал), Центральном и Северном Казахстане, Притоболье, Верхнем и Среднем Приишимье и Прииртышье, Приобье от верховьев до Нарыма включительно, бассейне среднего течения Енисея, на северных (Катунь), южных и юго-восточных склонах Алтая (Монголия), а также в Прикубанье и на Нижнем Дону [Бадер, Калинина, 2003; Викторова, Кернер, 1998; Зайберт, 1993; Кирюшин и др., 2000; Логвин, 1991; Матюшин, 1982; Матющенко, 1973; Мосин, 1993; Мунчаев, 1982; Нохрина и др., 2003; Черников, 1970; и др.].

Объяснение феномену исчезновения «утюжков» с обширных степных и лесостепных просторов Украины, Подонья и Поволжья может быть только одно: там к этому времени окончательно завершился переход от присваивающих форм хозяйства к производящим (среднепалеолитическая, хвалынская, ямная, триполье и др.). На территориях с «утюжками» сохраняется приоритет охоты и рыболовства, хотя в отдельных культурах и культурных группах уже начался переход к производящим формам (терсекская, ботайская, усть-нарымская, суртандинская, позднекатерининская и т. д.). Распределение «утюжков», как и на предыдущем этапе, носит неравномерный характер. Максимум их зафиксирован на Урале, в лесостепном Зауралье и в долинах Северного и Восточного Казахстана. На остальных территориях «утюжки» немногочисленны.

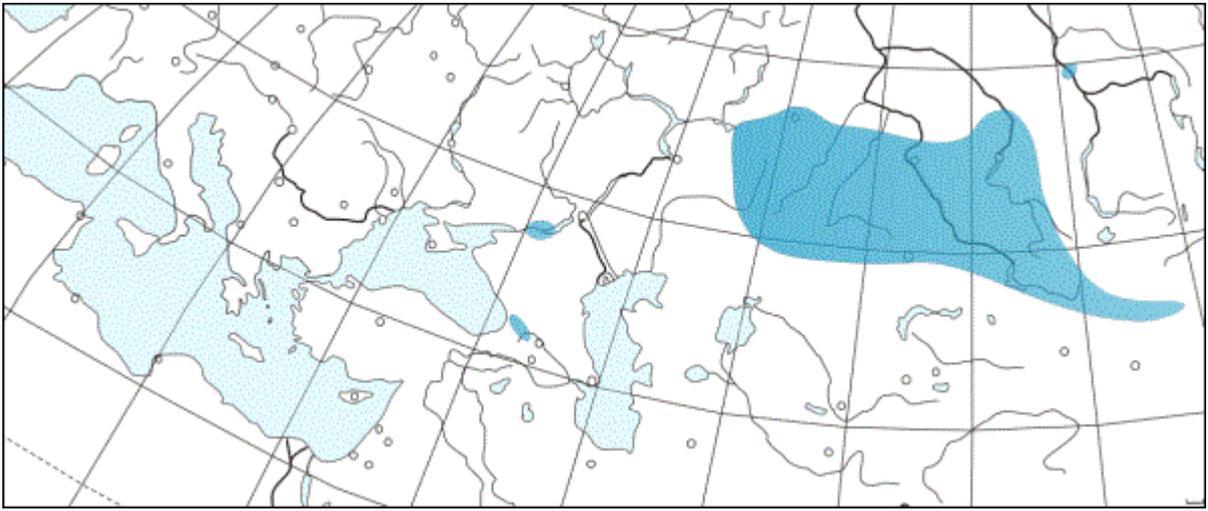

Рис. 5. Распространение «утюжков» в конце IV — начале II тыс. до н. э.

Серьезные изменения произошли в каменной индустрии. Она повсеместно становится отщеповой, хотя в ряде культур еще сохраняется довольно большой удельный вес пластин (суртандинская, позднеекатерининская, гребенчато-ямочная (Венгерово 3)). Наконечники присутствуют во всех культурах и культурных типах. Происходит массовое знакомство с металлом.

Начинает меняться отношение к «утюжкам». Если в предшествующие периоды их присутствие в могильниках сводилось к единичным случаям (Русско-Шуганский, Ак-Жунас, Липовый овраг), то теперь они фиксируются в погребениях значительно чаще (Верхняя Алабуга, Убаган 1, Боровлянка 17, Усть-Иша, Крутиха 5). Причем почти во всех могильниках позднего времени отмечаются случаи их преднамеренного повреждения.

Индивидуального рассмотрения требует феномен «утюжков» Прикубанья (майкопская культура, новосвободненский этап) и Нижнего Дона (Константиновка, культурный тип не определен) [Кияшко, 1994; Мунчаев, 1994]. Расположенные далеко за пределами основной зоны распространения «утюжков» этого периода, они относятся к кругу культур с развитыми формами производящего хозяйства.

Основу экономики майкопской культуры составляют земледелие и скотоводство широкого профиля, роль охоты и рыболовства незначительна. Для каменного и костяного инвентаря, особенно на раннем этапе, характерна глубокая архаичность, восходящая к неолиту и даже мезолиту. При этом очень высок уровень развития металлообработки. Начиная с новосвободненского этапа майкопская культура становится одним из важнейших очагов металлообработки в Старом Свете и снабжает своим металлом население Северного Причерноморья и Поволжья. Активные связи поддерживаются с Закавказьем, Подоньем и особенно Передней Азией.

Посуда позднего майкопа, часть которой выполнена с применением гончарного круга, самого раннего в Восточной Европе и Закавказье, своеобразна и совершенно не связана с местным керамическим производством предшествующей эпохи. Зато она близка соответствующим образцам в Северной Месопотамии (Тепе Гавра XII–IX) и комплексам фазы Амука F в Сирии. Такие же результаты показывает сравнительный анализ металла (состав), а также отдельных категорий вещей (булавки, печати, бусы). Весьма близок месопотамским по своим конструктивным особенностям и гончарный круг. Все это позволило исследователям майкопской культуры высказать предположение, что ее возникновение, формирование и развитие — результат сложных и разносторонних (прежде всего кавказско-ближневосточных) культурных взаимодействий, обусловленных не столько межплеменными взаимосвязями, сколько проникновением на Северный Кавказ в эпоху раннего металла инородных этнических и культурных элементов [Мунчаев, 1994. С. 158].

Вполне правомерно возникает вопрос, каким образом и почему здесь появились «утюжки»? Не объясняют это даже ближневосточные корни культуры, поскольку не только в IV, но и в V тыс. до н. э. ни в Месопотамии, ни в Сирии «утюжки» уже не известны. Косвенный ответ на этот вопрос дает Р. М. Мунчаев, который в результате тщательного анализа фактов пришел к любопытным выводам. Он обратил внимание, что в Майкопском кургане найдены микролитические орудия таких же геометрических форм, как и у обнаруженных под полами Урукского храма. Присутствие их в инвентаре богатейшего Майкопского кургана — экстраординарный факт, позволяющий, по его мнению, говорить не о местной, а о месопотамской традиции. В Месопотамии подобные изделия и ряд прочих, хотя и вышли из употребления задолго до VI–V тыс. до н. э., продолжали спорадически использоваться при культовых церемониях вплоть до III тыс. до н. э. [Мунчаев, 1994. С. 189].

«Утюжки» новосвободненского этапа также связаны с курганами, причем с наиболее крупными и богатыми (курганы с дольменами у станицы Новосвободной). Погребение 5 (с «утюжком») одного из таких курганов (№ 31) в урочище Клады по своему богатству уступает только Майкопскому кургану. Отметим специально, что дольмены в курганах новосвободненского этапа единичны. Нетрадиционный характер имеют следы использования «утюжков». Экземпляр из погребения 5 был осмотрен Г. Ф. Коробковой и Т. А. Шаровской. Проведенный ими анализ показал, что это орудие («подушечка») функционировало, прежде всего, в качестве наковаленки, на которой путем холоднойковки производилось изготовление золотых и

серебряных украшений, а кроме того, оно служило выпрямителем для древков стрел и формой для изготовления округлых украшений типа бляшек [1983. С. 91].

Поскольку «утюжки» являются ровесниками микролитов на Ближнем Востоке и сосуществуют с ними в одних памятниках, у нас есть все основания связывать их появление в майкопской культуре с действием того же архаичного ритуала, уходящего корнями к периоду раннеземледельческих культур, еще не расставшихся с охотой и рыболовством. Факт сам по себе исключительный, поскольку документально подтверждает длительность (несколько тысячелетий) существования отдельных ритуалов. Причины активизации древних традиций, вероятно, напрямую связаны с причинами, вызвавшими переселение части народа с Ближнего Востока в Прикубанье. К какой бы сфере жизни они ни относились — экологической, социальной, политической или духовной, та ревизия культовых представлений, которая им сопутствовала, возможно, коснулась не только погребального ритуала. Не исключено, что архаический облик каменной индустрии на поселениях раннего этапа майкопской культуры может быть объяснен именно с таких позиций. В этом случае правомерно и там ожидать находок «утюжков».

Появление «утюжков» в Нижнем Подонье, видимо, обусловлено взаимодействием с майкопским металлургическим очагом. «Утюжки» здесь обнаружены на Константиновском поселении в весьма необычном контексте. Памятник занимает плоскую вершину отдельного холма в цепи возвышенностей правобережья Дона. Поселение состоит из 10 наземных жилищ и имеет кольцевую планировку. В геометрическом центре поселения расположен объект в виде двух ям и помещенного между ними каменного алтаря, в 1,5 м от которого обнаружено погребение. То есть налицо явный ритуальный комплекс. С Константиновским поселением связана серия «утюжков», более 11 экз. Найденные здесь изделия существенно отличаются от известных образцов. Прежде всего, они схематичны; наряду с несколькими аккуратными экземплярами, много орудий на случайных обломках камня. Кроме каменных, есть несколько керамических изделий (специальной формовки и на обломках сосудов). Один «утюжок» происходит из синхронного погребения расположенного рядом курганного могильника.

В круговой планировке поселения В. Я. Кияшко склонен видеть сильное влияние степных (Среднее Триполье, среднестоговская) культур. Однако не следует упускать из виду, что традиция круглоплановых поселений известна на Ближнем Востоке по меньшей мере с энеолита (Тепе Гавра). Корни этой традиции в Анатолии уходят еще глубже, к VI–V тыс. до н. э. [Мерперт, 1995. С. 116–117].

Таким образом, учитывая специфику памятников Прикубанья и Дона, связывать найденные здесь «утюжки» с производящими формами хозяйства нет никаких оснований.

Во II тыс. до н. э. завершается длительная история «утюжков». Достоверно ко II тыс. до н. э. можно отнести только два памятника — Ростовкинский могильник (Среднее Прииртышье) и кротовское погребение на Сопке 2 (Обь-Иртышское междуречье) [Матющенко, Синицина, 1988; Молодин, 1977] (рис. 6). В публикациях 60–70-х гг. ко II тыс. до н. э. был отнесен ряд комплексов с «утюжками» и отдельные случайные находки с Южного Урала, из Северного и Центрального Казахстана [Формозов, 1951; Маргулан, 1979; Крижевская, 1977], но эти датировки требуют серьезного корректирования, в соответствии с современными научными представлениями.

Рис. 6. Распространение «утюжков» во II тыс. до н. э.

Интересно отметить, что оба памятника с «утюжками» являются погребальными.

Каменный инвентарь могильников немногочислен. Индустрия носит пластинчато-отщеповой характер. Хорошо представлены наконечники. И кротовцы, и ростовкинцы знакомы с металлургией и металлообработкой, о чем свидетельствуют как обнаруженные на памятниках бронзовые изделия, так и предметы, связанные с бронзолитейным производством: льячки, тигли, литейные формы. Особенностью Ростовкинского могильника является большое количество бронзовых вещей, многие из которых находят близкие аналогии в Сейминском могильнике.

Основу хозяйства кротовцев составляли охота, скотоводство и рыболовство. О ростовкинцах, говорят как об охотниках, рыбаках, металлургах и коневодах одновременно. При этом металлургия и коневодство

у них, судя по богатству погребений с оружием и литейными формами, доминировали [Черных, Кузьминых, 1987. С. 103-104]. «Утюжок» найден в общем скоплении у могил 27 и 28, в сопроводительном инвентаре которых нет ни оружия, ни литейных форм. Погребальный инвентарь включает 4 пластины, 8 отщепов, орудие на пластине и скопление фрагментов керамики. Единственный бронзовый предмет — четырехгранное шило. Это слишком бедный набор для иерархической верхушки, кроме того, он не содержит никаких специфических скотоводческих или металлургических предметов. Скорее его следует связывать с охотниками и рыболовами.

Все исследователи, занимающиеся эпохой бронзы Западной Сибири, отмечают множество сходных черт между кротовскими материалами и Ростовкинским могильником, особенно в том, что касается керамического комплекса: техника, формы, размеры, фактура теста, наличие валиков в верхней части сосудов, мотивы, общий орнаментальный рисунок. Однако в единую культуру их не объединяют. М. Ф. Косарев считает, что Ростовкинский могильник, расположенный в пограничье кротовского, самусьского и степного ареалов, ни к одной из культур отнесен быть не может, хотя и принадлежит к самусьской культурной общности [1987. С. 272–274]. В. И. Матющенко высказывает сходное мнение: речь должна идти, скорее всего, о сравнительно большой культурно-исторической общности, в состав которой входят самусьская культура, логиновские и кротовские памятники, а также могильник Ростовка [Матющенко, Синицина, 1988. С. 133].

Исследователи в целом сходятся во мнениях, что появление кротовских комплексов следует относить ко второй четверти, а их конец — к XIV–XIII векам II тыс. до н. э. [Молодин, 1977. С. 67; Стефанова, 1988. С. 69; Косарев, 1987. С. 275; Кирюшин, 2004. С. 40]. По мнению В. И. Молодина, в Новосибирском Приобье кротовцы появляются достаточно поздно, на заключительных этапах своего развития, и здесь они вступают в непосредственный контакт с населением самусьской культуры [Молодин, Глушков, 1989. С. 110].

В. И. Матющенко датирует могильник у с. Ростовка XIV–XI вв. до н. э., а М. Ф. Косарев его наиболее вероятной датой считает XIV или даже XIII в. до н. э. [Матющенко, 1988. С. 119, 125; Косарев, 1987. С. 274]. Как видим, даты возможного контакта между кротовским и ростовкинским населением совпадают, укладываясь в пределах третьей четверти II тыс. до н. э. Это, видимо, тот рубеж, до которого доживают «утюжки».

В результате исследования условий появления и функционирования «утюжков» можно сделать следующие выводы:

1. Традиция изготовления «утюжков» зародилась в ориентированных еще на присваивающую экономику протонеолитических комплексах Ближнего Востока в X–IX тыс. до н. э., что подтверждено радиоуглеродным датированием соответствующих слоев памятников и морфологией ранних образцов. На территории северной половины Евразии «утюжки» фиксируются с VII тыс. до н. э. (кукрекская мезолитическая культура).

2. На протяжении X–II тыс. до н. э. «утюжки» проявили себя в материалах полусотни культур и культурных типов. Только четыре из них имеют развитые формы производящего хозяйства (7 экз., без учета ритуальных прикубанско-донских образцов, из более чем четырехсот, известных автору). В остальных приоритетны охота, рыболовство и собирательство. Более того, «утюжки» всегда «отстают» под натиском прогрессивной экономики. В тот момент, когда в степной и лесостепной зонах Евразии завершился переход от присваивающих форм к земледелию и скотоводству, «утюжки», жестко зависящие от данных природно-климатических условий, прекращают свое существование.

3. На всех этапах, за исключением финального (конец IV — II тыс. до н. э.), «утюжки» были связаны с пластинчатой, преимущественно микропластинчатой, каменной индустрией. В орудийном наборе, как правило, присутствуют геометрические формы, но нет каменных наконечников стрел. Единичные экземпляры таких наконечников появляются только в V–IV тыс. до н. э., а достаточно массовым материалом становятся не ранее III тыс. до н. э.

4. Наблюдение за характером распространения «утюжков» во времени и пространстве позволило установить, что появление их в северной половине Евразии явилось результатом не единовременного прорыва через ближневосточные горные рубежи, а неоднократно повторяющийся акций. В качестве коридоров, через которые осуществлялось проникновение «утюжков» на север, использовались как Кавказский хребет, так и Иранское нагорье.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер Н. О. Некоторые результаты работ на раннеземледельческом поселении Кюльтепе в Северном Ираке // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982.

Бадер О. Н., Калинина И. В. Саузовская I стоянка // Тр. КАЭЭ ПГПУ. Пермь: ПГПУ, 2003.

Белановская Т. Д., Телегин Д. Я. Неолит северо-восточного Приазовья и Подонья // Там же. С. 58–64.

Бжания В. В. Кавказ // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 73–86.

Викторова В. Д., Кернер В. Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАН. Екатеринбург: УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 63–80.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ. М.: Наука, 1981. Т. 13.

Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. М.: Наука, 1975.

Долуханов П. М. Природные условия эпохи мезолита на территории СССР // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989.

Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энгелатова А. В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука, 2002.

Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993.

- Зах В. А. Отступающе-гребенчато-ямочная орнаментальная традиция в неолите Западной Сибири // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 37–45.
- Исламов У. И., Тимофеев В. И. Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент: ФАН, 1986.
- Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2004. 295 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000.
- Кияшко В. Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Азов: Азовский полиграфист, 1994. Вып. 4
- Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989.
- Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станиц Новосвободной и Батуриной // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 88–94.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 248–317.
- Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала // МИА. Л.: Наука, 1968. № 141.
- Крижевская Л. Я. Поздне- и посленеолитическое время на южном Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
- Левенок В. П. Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР // КСИА. М.: Наука, 1971. Вып. 126. С. 106–114
- Логвин В. Н. Каменный век Казахского Притоболья (мезолит — энеолит). Алма-Ата: Изд-во Казах. ГПУ, 1991.
- Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979.
- Массон В. М. Поселение Джейтун // МИА. Л.: Наука, 1971. № 180.
- Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.
- Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982.
- Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 1. Верхнеобская культура // ИИИС. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 9.
- Матющенко В. И., Синицина Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982.
- Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших круглоплановых укрепленных поселениях Евразии // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Материалы конф. Ч. 5, кн. 1. Челябинск: ЧелГУ, 1995. С. 116–119.
- Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977.
- Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989.
- Мосин В. С. Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
- Мунчаев Р. М. Майкопская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 158–225.
- Мунчаев Р. М. Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 93–131.
- Неолитические памятники Урала. Свердловск: УРО АН СССР, 1991.
- Нохрина Т. И., Усачева И. В., Гунчинсурен Б. Находки «утюжков» в Монголии // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы международной конф. «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. С. 275–278.
- Окладников А. П. К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III–II тыс. до н. э. (Утюжки и «човниги» — атлатль?) // СЭ. 1966. № 1.
- Стефанова Н. К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 53–75
- Телегин Д. Я. Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989.
- Телегин Д. Я. Юг Восточной Европы // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. Список радиоуглеродных датировок неолита // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 337–348.
- Товкайло М. Т. Неолит Степового Побужья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 1998.
- Усачева И. В., Нохрина Т. И. Об одной категории изделий // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. Вып. 5. С. 107–113.
- Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. 39.
- Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
- Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1970.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105
- Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B., Reed C. A., Watson P. J. Prehistoric archeology along the Zagros Flanks // The university of Chicago oriental institute publications. Vol. 105. Chicago: Illinois, 1983.
- Georgiev G. I., Nicolov V., Nikolova V., Šokadžiev. Die Neolithische Siedlung Kremenik bei Sapareva Banja, Bezirk Kjustendil // Studia Praehistorica. София, 1986. № 8.
- Perkins D. Prehistorik Fauna from Shanidar // Iraq. Science. 1964, June 26. Vol. 144, № 3626.
- Solecki R. L., Solecki R. S. Grooved Stones from Zawi Chemi Shanidar, a Protoneolithic Site in Northern Iraq // American Anthropologist. Menacha, 1970. № 4 (Vol. 72).
- Van Zeist W., Bottema S. Palynological Investigations in Western Iran // Paleohistoria. Groningen, 1977. Vol. XIX. P. 19–85.
- Van Zeist W., Timmers R. W., Bottema S. Studies of Modern and Holocene Pollen Precipitation in Southeastern Turkey // Paleohistoria. Groningen, 1968. Vol. XIV. P. 19–39.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article analyses origination and functioning with regard to one of the stone inventory categories called “utyuzhki”. The obtained results display that a tradition of making the “utyuzhki” originated in the 10th-9th mill. BC in the proto-Neolithic complexes of the Near East still oriented to the economy of appropriation, wherefrom the tradition spread into the Eurasian territory. During the 10th-2nd mill. BC the «utyuzhki» revealed themselves in the material of some fifty cultures and cultural types, steadily interrelating with economies of appropriation. The

«utyuzhki» were accompanied by stone industry of geometrical plates. Their existence was strictly determined by the steppe and forest-steppe conditions. When, upon development of farming and stockbreeding, the niche proved to be occupied, the «utyuzhki» vanished.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта СО РАН и РАН «Этнокультурное взаимодействие Евразии».